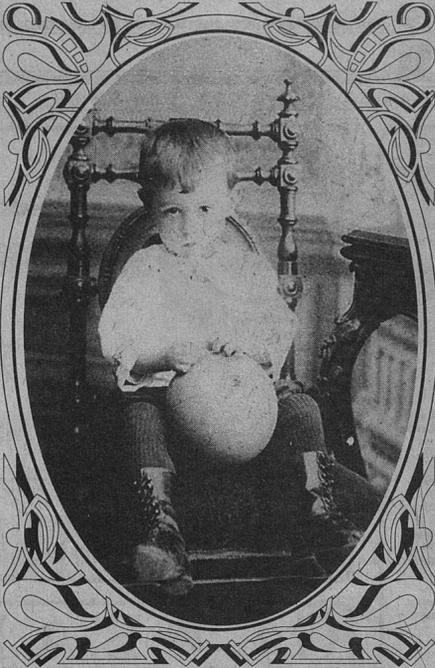

Звук серебряного века

Полосу подготовила Наталья Дардыкина. Оформление: Владимир Хаканов, Юрий Бин.

Хотелось в безумья, кровавым узлом
Стануши порочный, лигерами
Упасть и, охотничьим длинным ножом
Кромсать обнаженный мучительно-нежный живот.

А прорубь окна караулил цепко
И там, за малиновым, складчатом
Вдоль черной Немы, точно лебеди,
С Ладоты льдины
Ко взмору тгнулись при блеске
луночвой зари.

Свершилось предренное. И вот
Для пытки медленной, для унижений
Меня везут на черной эшафот
К тебе в покое воздушной ступени.
А наверху, как будто лебедь,
На солнце иссекающее пламя,
Я знаю — ждешь меня лицо твое
Безжалостное, с синими глазами
Под мертвым плечом. А давай ль,
По этим самым ступеням вбегая.
Я знал, что ждешь меня (улыбь же, боль)
Богиня радостная и нагая,
Здесь все на миг. Где избранные те,
Чьи души движутся в любви бессмертной
Незабыто, как звезды в высоте.

Холопство ночной досталось.
В наследие нам. Когда-то истарь
В усадьбе нынче писалось:
"Холопство твое, государь".

И даже бурь гражданских буйство,
Громя как и зло, и холопство
Железом выжечь не смогло!

Как государыни людские,
Бьем до земли чепом оныя,
Николаевныча, княжичи
Холопские спешим писать!

Который год мечтаю втискомлю —
Сменить на книжный шкаф простую полку
И сборники стихов переписать.
О, Муза, дерзкую мечту прости!
Мягачь денги, пролетая мимо.
Мечта поэта неосуществима.

ЗАБВЕНИЕ

Пусть не так закален я и стоек
В борьбе неустанной
назло судьбе,
Но я говорю "К самому себе",
Как Марк Аврелий,
философ-стоик.

В наш атомный век,
ускоренный время,
И в космосе
слышен нам
голос его:
"Близко забвенье
твоей — всего,
Близко забвенье
тебя — всеми!"

АКМЕИСТ

Александр Блок сурово обожался с Цехом поэтов — с акмеистами, назвав свою статью о Гумилеве и Горьком "Без божества, без вдохновения". Попадал только одну женщину: "Настоящим исключением среди них была одна Анна Ахматова". Манеру ее раннего поэтического опыта он считал "усталой, болезненной, женской и самоуглубленной". О это поэтическое соперничество поэтов Серебряного века. Даже футуризм Блок считал более земным, чем акмеизм. В 20-е годы Блок потеплел к акмеистам — они уже "крепкое впечатление производят" на него, хотя, по его мнению, "все под Гумилевым".

Конечно, Николай Гумилев и музыкальнее, и тоньше, и речистее, чем Михаил Зенкевич. Все акмеисты перед ним да еще перед Маяковским и Бродским. Зенкевич нашел свою нишу в акмеизме — это левое крыло: оно более "натуралитично" — откровеннее, обнаженнее, воспринимало действительность. В любовной лирике Михаил Зенкевич живописует чувственные подробности, гипертрифурция "физиологический" элемент взаимоотношений.

Взвук Михаила Зенкевича Сергей согласен со мной и говорит, что в этом духе выдержана первая книга М. З. "Дикая порфира", изданная в С.-Петербурге в 1912 году.

Она вышла одновременно с первой книжкой Анны Ахматовой "Вечер". Зенкевич на извозчике поехал за тиражом в типографию и весь тираж (по трем экземплярам каждая) привез на склад книгоиздателя Вольфа. А вечером того же дня акмеисты чествовали дебютантов. Сергей Городецкий сидел из каких-то цветов венки и возложил их на Ахматову и Зенкевича. Молодые поэты принимали похвалы и комплименты. Читали стихи...

Дружба Зенкевича с Ахматовой продолжалась до 60-х годов; когда Анна Андреевна была в Москве и останавливалась у Ардовых, они всегда виделись. По воспоминаниям поэта Льва Озерова, Анна Андреевна называла Зенкевича "алатоглавым Мишей".

В 1917 году в Петрограде гениальный фантазер Велимир Хлебников "назначил" Михаила Зенкевича

"Председателем Земного Шара"; в этом звании побывали и Маяковский, и Бурлюк, и Михаил Кузмин, и Казимир Малевич.

Печальна участь акмеистов. Гумилева расстреляли первым. Я спросила Сергея, как удалось Зенкевичу избежать репрессий.

— В одну ночь были арестованы поэт-акмеист Владимир Нарбут и московский переводчик с украинского Павел Зенкевич, однофамилец моего деда. Эта путаница фамилий спасла ему жизнь. Нарбут и Павел Зенкевич погибли.

А как сложилась личная жизнь Михаила Зенкевича?

— Женился по любви, в 26-м году, в возрасте 40 лет, на 27-летней красавице Александре Николаевне Гусиковой, профессиональной актрисе. Дедушка с бабушкой прожили вместе 47 лет в Москве.

— Конечно, это не так уж важно, но кто по национальности Зенкевич?

— По отцовской линии он поляк. По материнской — русский. Его друзьями кроме акмеистов был Пастернак и Николай Тихонов. Борис Леонидович доверил Зенкевичу оценку стихов из "Доктора Живаго" и из сборника "На ранних поездах". Пастернак на подаренной Зенкевичу книжке написал о нем как о "поэте предельной крепости" и "удивительном метафористе". Эдуард Вагрицкий называл Зенкевича своим учителем. Борис Слуцкий, Ярослав Смеляков, Александр Твардовский общались с Зенкевичем до последних дней. Как человек образованный, Зенкевич знал французский, английский, немецкий. Жил на переводы, в основном с английского. Был американофилом, боготворил Америку, считал эту нацию чем-то вроде излученной цивилизации. В 61-м году уехал в Штаты, общался с поэтами и почти всех их переводил. Роберт Фрост предложил ему остаться в Америке пожить. Позднее Зенкевич издал на русском книгу стихов Фроста.

Старший сын Зенкевичей умер рано. Младший, Евгений, переводчик технической литературы, назвал своего сына Сергеем в память о рано умершем брате. А теперь Сергей, студент иная им. М. Тореца (английский и французский язык), составил книгу стихов и прозы своего деда "Сказочная эра". В январе-феврале сборник должен появиться в свет (изд. "Школа-пресс"). Сегодняшняя публикация — из этой книги. Впервые читающая публика познакомится с произведениями Михаила Зенкевича, одного из поэтов Серебряного века.

Наталья ДАРДЫКИНА.

ВСТРЕЧА У КАМИНА

Михаил Зенкевич вспоминал о давнем разговоре с Анной Ахматовой:

— Скажите, Анна Андреевна, ведь это выдумка о вашем будто бы романе с Блоком?

— Кто-то сочинил эту легенду. Я ведь почти не виделась с Блоком и только недавно узнала, что он любил мои стихи...

— Простите, Анна Андреевна, нескромный вопрос. Но я уже слышал о начале вашего романа с Николаем Степановичем? И даже то, как он раз, будучи студентом Сорбонны, пытался отравиться из-за любви к вам, зная, мне

* Николай Степанович Гумилев. Встреча "у Камина" Зенкевича и Ахматовой произошла осенью 1921 года в Петрограде, куда Зенкевич некогда приехал из Саратова.

можно знать и конец. Кто первый из вас решил разойтись — вы или Николай?

— Нет, это сделала я. Когда он вернулся из Парижа во время войны, я почувствовала, что мы чужие, и объявила ему, что нам надо разойтись. Он сказал только — ты свободна, делай, что хочешь, — но при этом страшно полюбил, так, что даже побелели губы. И мы разошлись...

Николай ГУМИЛЕВ:

"...От мудрого Дедала Брюсова, парящего "меж перьями небом и землей", мы переходим к М. Зенкевичу, вольному охотнику, не желающему знать ничего, кроме земли... Он вполне доволен землей, но у нас не хватает духу утверждать это за это самоутрачивание, потому что земля возмущена доброй к нему и открыта перед ним полно и интимно. Когда он обращается во втором лице к воде, камням и металлам, мы чувствуем, что он купил это право великим знанием, рожденным великой любовью".

"...М. Зенкевич и еще больше В. Нарбут возмущали не только бессодержательные красивые слова, но и все красивые слова, не только шаблонное изысканство, но и всякое вообще. Их внимание привлекало все подлинно отверженное, слизь, грязь и копыт мира".

Из рецензии Н. Гумилева на стихи М. Зенкевича и В. Нарбута (1912 г.)

1. Миша в возрасте 5 лет. Саратов, 1891 г.
2. Гимназист Михаил Зенкевич. Начало 1900-х годов.
3. М.А.Зенкевич. Москва. Январь 1940 г.
(Фото писателя Л.И.Гумилевского.)

Михаил ЗЕНКЕВИЧ

МЕЖДУ ДВУМЯ СФИНКСАМИ

Фрагмент

М и с Евгенией Борисовной сидели в зале без огня и набилоди грозу. Рамы дребезжали и звеня звенели от грома, и комнаты вспыхивали в блеске молний. Шум тяжело надающего ливня гудел в ушах. Евгения Борисовна сидела у углу тихая и нежная, точно загнанная под стреху пролая птицы. И я вдруг почувствовал без слов, что она моя, и погнулся к ней и поймав в ртомые губы ее тонкие губы. И от этого робкого прикосновения так дожно накапливавшиеся в наших душах томление любви разрешилось.

Невидимая молния ударила в меня из мрака и пронзила все мое существо миллионами золотых нестерпимо-сладостных игла. При фиолетово-золотых вспышках из тенейто близко возникло передо мною знакомое, преобразившееся лицо — и я увидел ее в бесполое предельно и громадные, обуревающие от счастья глаза... Перед рассветом я возвращался в бланженном полузабытьи по лужам в свой флигель, сная фуражку, жаждо выпитый молодым сильным телом парной ивоньский дождь...

На другой день Евгения Борисовна сказала больно, и я увидел ее только на третий. На лицо ее снова легла непроницаемая мертвая маска, перед которой я чувствовал себя растерянным и бессильным. Свинцовый взгляд ее синих глаз давил меня, слова ее звучали сухо, почти враждебно, как удары хлыста. Все происшедшее между нами накануне казалось мне спном... Вечером мы отправились на обычную прогулку верхом. Всео дороге Евгения Борисовна молчала, задумчивая и сумрачная. Я ехал сзади тоже молча, боясь заговорить. В роде мы остановились вблизи селения, Евгения Борисовна встала передо мной на краю песчаного обрыва, в черной амазонке, нервно похлопывая стечком по шароварам и лакированным сапожкам. "Георгий Константинович, — вдруг резко, сильно заавел ее голос. — Мы должны с вами объясниться и не прятать голову, как страус в песок, перед опасностью. И не стала эти две ночи и много думать... То, что случилось между нами, непонятно и может быть само лишь кровью. Да, да, кроваво виновинна... Моей или вашей. Сначала у меня мелькнула дикая мысль — убить вас. Потом я раздумала. Не потому, чтобы у меня не хватало решимости, а просто потому, что вы не виновны. Виновница всего — я. Я и должна повести кару. Я так решила и решение мое твердо. Сил на это у меня хватило", — и, итрян, Евгения Борисовна вынула из кармана вороненый крошечный браунинг, который она жесла брала на прогулку. Упав на колени, я стал целовать ее руки, кланяться в любви и умолять отказаться от безумного намерения. Но Евгения Борисовна холодно, как бы брезгливо, отняла свои руки и отступила в сторону.

"Все равно, Георгий Константинович, это бесполезно". "В таком случае есть другой выход". "Какой?" "Это покончить самоубийством мне". — "А вы уверены, что у вас хватит сил на это?" "Да, я уверен". "Смотрите, Георгий Константинович, — проговорила тихо, почти шепотом, Евгения Борисовна, я не шучу". — "Я знаю это". — "И вы можете дать мне честное слово, слово мужчины, в том, что исполните это, если я потребую". — "Да, я даю вам слово, не колеблясь". По лицу Евгения Борисовна пробегала темное облако, но глаза ее остались металлическими с красными угольками закаты в черных зрачках. "Хорошо, я подумал, — медленно проговорила она. — Тогда вы должны завтра же ехать назад в Петроград и там ждать моего решения... А теперь едемте домой". В молчаливо дождали мы до дома, где Евгения Борисовна тотчас же простилась со мной.

На другой день я зашел проститься с Евгенией Борисовной. Она сидела за письменным столиком и не обернулась, когда я вошел. "Я пришел проститься с вами, Евгения Борисовна", — тихо сказал я. Евгения Борисовна встала. Лицо ее было так же каменно и бледно, как накануне. "Слушайте, Георгий Константинович, я хочу сказать вам, что сейчас еще не поздно, и я могу вернуть вам ваше слово назад. Помните, что вы так молоды, что у вас есть мать..." И она глянула в мои

глаза мглистым, сомнамбулическим влажным взглядом. От ее булдура и от нее самой исходил сладостный запах недавней грозной ночи.

"Нет, Евгения Борисовна, мне слово мое не нужно. Жизнь без нас все равно не имеет для меня никакой ценности". — "Хорошо, тогда ждите в Петрограде мой телеграмма. Если я телеграфирую, что выезжаю, вы должны исполнить свое намерение до моего приезда. Если же... — тут она запнулась. — Если же нет, или если телеграмма будет другая, то тогда вы свободны..."

Я нагнулся слегка, чтобы поцеловать ей руку, но не успел ее коснуться губами, как вдруг почувствовал свою голову скаткой в страшном объятии. "Прощайте, прощайте, — услышал я ее шепот. Довольно... Довольно. Уходите", — и она открыла дверь в гостиную...

Как во сне, вышел я на крыльцо, меня остановил старик камердинер и подаял мне письмо от моего матушки. Я рассеянно сунул его в боковую карман. Везо дорогу до Петербурга я был в каком-то полубезышии.

Насы два письма я по комнате встал и вперед с одной мыслью: "не любит, все кончено...". У меня оставался еще один день. Я ни на минуту не сомневался в необходимости исполнить свое обещание. Да и сама смерть казалась мне единственным выходом. "Не все ли равно. Зачем жить?". Нужно, однако, написать письмо маме. Как же так, без письма... И вдруг я вспомнил о матушкином письме. Мага писала, будто очень счастлива, что я хорошо устроился, работаю и буду очень инженером. "Тогда наконец я могу быть спокойной, знаю, что ты не оставишь Сергею и Наде и сможешь им стать на ноги и получить образование. А то жить на мою маленькую пенсию и урки мушкет становится все труднее и труднее с каждым годом". Не знаю почему, но на этот раз письмо матери произвело на меня потрясающее впечатление. Мне стала ясна вся бессмысленная жестокость моего намерения.

Вернулся Кузьмич навеселе с карточной игры, очевидно, с выигранным. "А ты еще не спишь", — весело окликнул он меня. Потом, окинув взглядом меня, телеграмму и письмо на столе, он сообразил, что дело неладно, и изменился в лице "Что это такое, Юрка? Да ты уж не стреляйся ли в себя!" Он открыл ящик стола и вынул оттуда мой браунинг. "Что ты, с ума сошел, что ли? Говори же, что с тобой". Я не стал запариться и рассказал ему кратко все... "И ты действительно хочешь исполнить свое намерение?" — "Да, я действительно". — "Дурак, idiot, юнона, молокосто ты, а не инженер", — разолился он вгруд и побавровал. "Но как же, я дал ей честное слово". — "Честное слово! Эка, подумаешь, штука... Слово. Да жизнь разве не дороже слова?" — "Но как же быть, если Евгения Борисовна примет и узнает, что я обманул ее? Разве она не станет презирать меня?" — "Ничего, коли ей это так захочется, я разлучу ей и покажу кого-нибудь другого. Я уверю, она сама потом раскиснет, и будет реветь, и будет рада, что ты остался жив. Ей-Богу, ты не знаешь баб. Ну, не буду, не буду... Итак, решено, ты едешь завтра в Лугу". Подумав немного, я согласился. "А теперь ступай спать в мою комнату, а я лягу здесь. По крайней мере, я буду спокоен, что там нет револьвера и ты не застрелишься..."

На другой день я уехал в Лугу и стал с нетерпением ждать известий.

Кузьмич пришел в субботу вечером и рассказывал мне про свою встречу с Евгенией Борисовной. Встретил Евгения Борисовна его официально, одетая в черное дорожное платье и темную вуаль. Лицо ее было бледно, может быть, с дороги. Она нисколько не удивилась, улыбаясь от Кузьмича с моим самоубийстве, и не стала расспрашивать подробности. Только сказала, что желала бы проститься с телом и возложить на гроб венки. "Приняться", — рассказывал Кузьмич, — тут я чуть было не следрил. Этого я всего более боялся. Однако сказал, что ты — т. е. твое тело уже отправлено на вокзал в закрытом цинковом гробу. "Тогда я поеду с вами сейчас на вокзал в автомобиле", — ответила Евгения Борисовна. "Только я сначала хотела бы заехать к маме из дальних деревень".

Я покатил в редакцию, поставил на ноги всех репортёров. На мое счастье в редакции попался один самый что ни есть допытливый репортёршица. Ему и морду сколько раз били, и с лестницы спускали, всегда из воды сух выходил. К самому Распутину в гости ходил. "Вот деньги, катаясь на вокзал и, если устронте, зроните". Через пятьдесят минут звонко. "Вот, мол, какой гроб, можете ехать. Ступайте какой-то застрелился".

Через полчаса мы с Евгенией Борисовной прошли к товарному вагону, где стояла два гроба. Евгения Борисовна вошла в темный вагон, перекрестилась, стала на колени, положила венки из белых и красных роз и поцеловала край цинкового гроба в ногах. Затем спустилась вуаль и вышла. Приняться, рассказ Кузьмича меня покоробил. Я даже почувствовал ревность к неизвестному метричку, чей цинковый гроб поцеловала Евгения Борисовна. Голос совета шептал, что я сделал что-то некрестное, обманув Евгению Борисовну. "Ну что же делать? Не стреляться же так глупо ни за что ни про что, бросив мать". Настроение мое было скверно. Глушай и себя ругать, но напрасно. Наконец, через две недели Кузьмич привез письмо Евгения Борисовны, адресованное через него моей матери. Евгения Борисовна писала ей, что всей душой скорбит вместе с ней, что сама единственная виновница всего, что она только теперь почувствовала, как сильно любит меня, что она только теперь почувствовала, как сильно любит и в тот же день выехал из Петербурга на юг. Уже полтора года я стояния, я опомнился и задумался о своем глупом положении. Очевидно, ехать туда, где все меня считали покойником, — не предпринять, было невозможно. Я решил остановиться где-нибудь поблизости на хуторах, оттуда же пройтись пешком к месту обычных верховых прогулок Евгения Борисовны и попытаться встретиться ее одну, чтобы объясниться. Случай мне благоприятствовал. На следующий день вечером я увидел Евгению Борисовну. Она ехала верхом шагом по роще, опустив вуаль, о чем-то задумавшись. Когда я внезапно выехал из-за кустов к ней навстречу и окликнул ее, она опешила и изменилась в лице. Очевидно, она приняла меня за привидение. Я подошел к ней близко и взял ее за руку, только тогда она немного пришла в себя.

"Как, разве вы... разве вы живы?" Порохом я стал ей рассказывать, как все было. По мере моего рассказа лицо Евгения Борисовны изменялось, и вдруг суворого страшного гнева искривила ее прекрасное лицо. Синие ее глаза с ненавистью и презрением глядели на меня. Все это длилось несколько секунд. Потом я увидел, как залетела рука в черной перчатке, и на своем лице ощутил рекий удар ее сестры внагомы, потом еще один. Когда я открыл глаза, Евгения Борисовна глядела уже в несколько шагах от меня на своей Изабелле. Этот мигучий удар хлыста до сих пор горит на моем лице. До полноты я пробродил по полям, полный самых диких противоречивых чувств. То я хотел пойти в усадьбу Евгения Борисовны, подлечь дом и убить ее, то вспоминал, что она женщина и мстить ей я не могу...

На другой день я уехал... Потом чувство любви подалоно чувство любви, и я послал Евгения Борисовна письмо с объяснением. Оно вернулось нераспечатанным...

Рисунок Михаила ЧИРКА, студента института им. Сурикова.

Михаил ЗЕНКЕВИЧ. Лирика